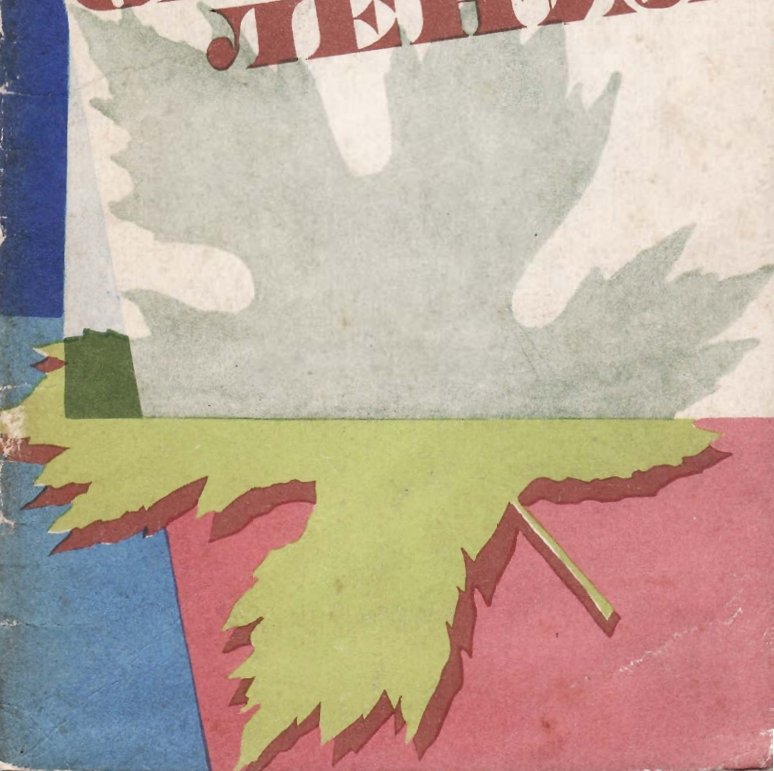
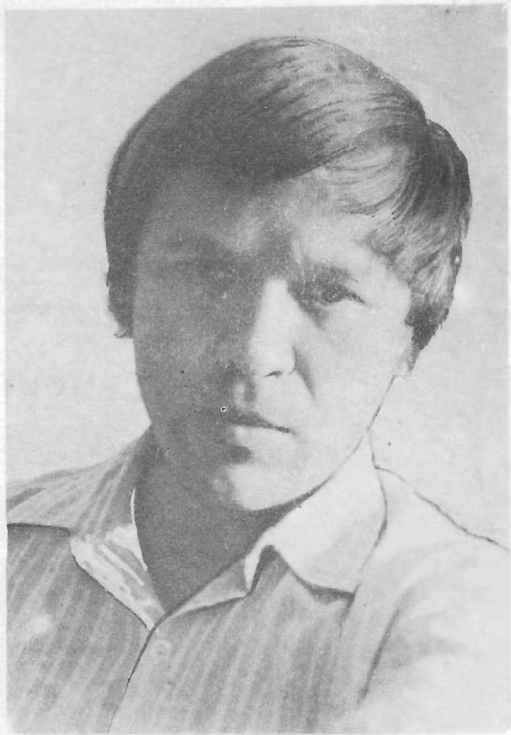

84Р7к
Ш64

ВЛАДИМИР ШИРЯЕВ

**АВГУСТОВ.
СЕНТЯБ.
ОБЪЯВ.
ДЕННАЯ**

84РБК
Ш64

ВЛАДИМИР ШИРЯЕВ

**АВГУСТОВ.
СЮЗЕ
ОБЪЯВ.
ЛЕНИН**

СТИХИ

Кемеровское
книжное издательство
1986

ББК 84.3Р7
Ш 87

МБ

К

И С С
г. Ленинск-Кузнецкий
Ф. М. № 4

29415-3

г. Ленинск-Кузнецкий
Центральная библиотека
городская библиотека
им. Крупской

Ш 4702010200—24
М145(03)—86 86

© Кемеровское книжное издательство, 1986 г.

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИЖКИ

Уважаемый Читатель!

Скорее всего, я никогда не видел Вас. Как не видел никогда и автора этого поэтического сборника. Он живет в Кемерове, я — в Ленинграде. Однажды на рабочий стол мой легла рукопись, пришедшая по почте. Была она необычная, какая-то непричесанная, взлохмаченная. Хотелось немедленно взять карандаш и поправить одно, другое, третье. Знайте, Читатель: когда такое желание появляется, это, как правило, вовсе не значит, что рукопись плоха. Скорее, наоборот. В «пустой», бесталанной рукописи ничего поправлять не тянет. Думаешь только об одном: как бы деликатней ответить автору, чтобы не обидеть его. Потому что ведь и самая слабая рукопись — это человеческий труд и надежда. А уж если хочется что-то улучшить — значит, есть что улучшать, есть за что бороться! Есть живая мысль — пусть она выразится точнее и ярче! Есть искреннее чувство — надо, чтобы ему не мешало случайное, неудачно поставленное слово!

Я отважно взялся поправлять. Все оказалось не так-то просто: стихи сопротивлялись. Иной раз «выпрямишь» строчку — и чувствуешь, что уходит из стихов непосредственность, исчезает юмор. Между тем, в некотором ссвершенствовании, в уточнении отбора стихи все-таки нуждались. Началась наша переписка с автором — Владимиром Ширяевым, кемеровским журналистом, питомцем Томского университета. Автор оказался таким же, как его стихи: ершистым и упрямым. Кое с чем соглашался, многое отстаивал. Например, свое право пользоваться в стихах студенческим просторечием («универ» вместо «университет» и т. д.). К тому времени я, по предложению Кемеровского издательства, числился уже официальным ре-

дактором будущей книги Владимира Ширяева. Редактор, как известно, должен быть требователен. Но требовательность имеет свои границы. Рукопись можно замучить до неузнаваемости. А у нее — свое лицо, свои правила игры:

Не надо кричать, очевидно,
и гневно глазами сверкать.
Теперь я глотаю обиды,
как шпаги глотает циркач.
Смотрите! Глотаю! Штук двадцаты!
Причем этот фокус таков,
что к людям они возвратятся
цветным серпантином стихов.

Не скажу, что мне лично эта программа так уж близка. Кого-то она, может быть, даже возмутит; как так, поэзия — серпантин? Но поэзия многолика. В ней есть свои терпеливые созидатели и гневные разрушители, вечные странники и тонкие чеканщики. Есть суровые трагики и сладкоголосые лирические тенора. И есть циркачи. Конечно, все эти определения условны, но «цирковое» начало ощутимо присутствует в стихах таких, например, поэтов разных поколений, как Семен Кирсанов и Андрей Вознесенский. Не проводя никаких рискованных сравнений, скажу, что Владимир Ширяев в чем-то тяготеет к их цеху. Это вовсе не мешает ему быть серьезным и человечным в стихах о нашем времени, о студенческой молодости, о природе, о «братьях наших меньших»:

У обезьянки на щеке слеза:
к мороженому тянется рукою,
за баки себя дергает другою,—
как будто маску хочет снять с лица...

Не сомневаюсь, что и в нынешней книге Владимира Ширяева придирчивый читатель найдет, что называется, шероховатости. Но я жалею того, кто увидит в ней только их!

Илья Фояков

АУДЕАМУС ИГИТУР!*

* * *

Развернула поутру
яблоня свой веер.
Никогда я не умру!
В этом я уверен.

Вся в сиреновом дыму,
выстрелила почка.
— Не умрете? Почему?
— Не умру, и точка!

* * *

Подруга,
посмотри скорей,
как в юном воздухе апреля
вспорхнуло
стаей снегирей
предчувствие стихотворенья.

Пока светило не погасло
за облаком,—
смотри, смотри!
Не опускайтесь, снегири!
Стихотворенье, не слагайся!

* Начало старинного студенческого гимна.

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я вышел и оторопел:
то крупными, то мелкими,
в ладонь посыпалась капель
монетками, монетками!

Перебираю капитал —
капель международную.
Он травку вдоволь наплатил
и почку желторотую.

Чтоб навсегда искоренить
корысть и зависть лютую,—
нам деньги надо заменить
апрельскою валютою.

Чего б хотела ты? Теперь
все решены задачи:
— Берите, продавец, капель.
Пожалуйста, без сдачи!

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Запараллелит аппараты,
какой-то рушится барьер,
и в разговоры — рад не рад ли —
вникаешь, словно ФБР

- Гут афтенун! Как поживаешь, Галка?
- Да знаешь, как-то скверно на душе.
- И у меня, старуха, тоже гадко.
- Ты научился чувствовать уже?
- Да, чувствую: готовишься к зачету.
- Какая пронизательность! Увы:
Эйнштейна изучаю.

К ВОПРОСУ
О СОБАЧЬЕМ ЗРЕНИИ

Очень изумил
друг меня ученый:
для собак — весь мир
только бело-черный.

Расцвела весна,
вышел песик в сад.
Нежные цвета
не обманут пса.

Мир разбит у пса
на два четких класса:
если враг — кусай!
если друг — ласкайся!

На оттенки роз
любоваться брось.
Если ты барбос, —
заступай на пост!

Просто, ясно все.
Так и надо жить.
Я б хотел у псов
зренье одолжить.

Станет трудно — пусть.
Буду огрызаться!
Только вот боюсь:
научусь лизаться.

О ДАМАССКОЙ СТАЛИ

Бывает — разрешаются загадки,
но ты их смыслом вовсе не согрет.
Вчера узнал я, что секрет закалки
дамасской стали — больше не секрет.

Чтобы закалка стала настоящей,
суровый мастер, пот смахнув со лба,
клинок, как вольтова дуга горящий,
газил в прохладном животе раба.

Нам древние рецепты эти жутки,
их в производстве применять нельзя.
Мы иногда лишь закаляем шутки
на собственных любимых и друзьях.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СТУДЕНТУ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СЕРГЕЮ КЛИМОВУ

1. К вопросу о втором начале термодинамики

...От наук мы уже одурели.
Я хотел бы, отбросив букварь,
общежитские окна и двери
распахнуть в бесконечный январь.

Но начало суровое это
возвещает привычно о том,
что, окно распахнув, ты планету
не согреешь — лишь выстудишь дом.

Так пребудем же оба на страже!
Потухать нашим окнам нельзя!
Пусть из мрака со злобой таращит
Энтропия пустые глаза.

Будем вкалывать днями, ночами
и когда-нибудь, наконец,
мы печальнейшему началу
уготовим печальный конец.

Будет можно коробкою спичек
растопить Антарктиды ледник!
...А покамест — окно для синичек
приоткрой: замерзают они.

2. Ночь у Обского моря

При свете призрачном луны
мы в карты режемся, довольны.
И о седые валуны
с шипением дробятся волны.

И рыбы прыгают мячами,
и весело рокочет бор,
и я с печалью замечаю,
что проиграл. Что — перебор.

Что слишком щедро пахнут кедры,
что море не вместить в груди,
что бог коварный слишком щедро
людской любовью наградил.

Что слишком яркие созвездья
в ночных глазах отражены,
что слишком много нам известно
того, что знать мы не должны.

Что вспыхнули, как порох, волны,
и прямо в руки мне прибор
несет луну — тузом червонным!
Он мне не нужен: перебор.

* * *

Отчаявшаяся уже,
под пылью густой поникнув,
годами хорошая книга
стынет на стеллаже.

Хватают веселые парни
в обложечках пошкарней.
(Таких — хоть запруживай пруд)
Ее ж — не берут, не берут...

Просто, без аллегорий,
я заявляю здесь:
— Люди! У книги — горе.
Надо ее прочесть!

* * *

Намеренья благие, деловые
мне шепчут снова:
«Торопись, дружок!»
...Запрусь на ключ
и, как Хома из «Вия»,
я очерчу
вокруг себя кружок.

И ночь не сплю,
и сочиняю планы:
в них ровно 113 пунктов.
Но
все планы эти медленно и плавно-
уносит ветер утренний в окно.

Они летят
над тополями мая,
поддерживающими небосвод.

А им навстречу
ведьма молодая
в окно влетает и в кино зовет.

* * *

Мы с тобой друг друга полюбили,
и теперь не спится — хоть убей.
Под окном сугробы голубые,
словно села стая голубей.

«Милый друг, ты наконец попался!» —
так воркуют, ласково глядят:
...А когда я засвищу в два пальца,
то снега вспорхнут и улетят.

* * *

Поцелуй и цветы,
ночи и рассветы
превратить желаешь ты
в звонкие сонеты.

В общем, ты — как тот глупец,
превративший в золото
все вокруг. И, наконец,
умерший от голода.

* * *

Вьюга в пустынном парке
кру́жится, будто бы
это смурные Парки
пряжу моей судьбы
вьют из седого праха.
Пряжа легка, тонка...

Бабки, работать без брака!
Есть и на вас ОТК!

САМОЛЕТНОЕ

Таня, пора! пора!
Вот и убрали трап...

Неторопливо
перебирает взор
бусинки озер,
прощальные переливы
Томска,
где у стены
тихого универа
нами с горячей верой
были вчера даны
клятвы «игби ет огби»*.
...Забарабанил град.

И с каждым мигом — огромней
мир. И все меньше — град...

* Городу и миру (лат.)

ОЩА

РОЩА

Полуобняв меня за плечи,
ведешь к дымящейся реке,
а вечерами рукоплещешь
моей печальной строке.
И сняв с себя без сожаленья,—
чтоб доказать свою любовь,—
мне подарила ожерелье
из ослепительных грибов.

...С лучом играю на тропинке,
где ели тонкие твои
подвергли иглотерапии
меня... Иголочки хвои
духами нежно пахнут, или...
Ищу сравнений свежих я
и замечаю: пахнут иглы,
как пахнет свежая хвоя.

Я шел к тебе который год,
мы встретились с тобою снова.
Моя любимая! Ну вот
и пригодилось это слово.

ДИАЛОГИ С САМИМ СОБОЙ

1

— ...Нужна хорошая библиотека.—
Чтоб, каждый день работая упорно,
источников десятки привлекая,
закончить мой монументальный труд.

— А мне нужна хорошая поляна! —
Чтоб кузнецы под ухом стрекотали,
чтоб на ветвях сияла паутина
и чтоб источник бил из-под земли.

2

— Какая-то птица с лиловою грудкой!
Какой-то цветок золотой!

— Учить биологию было нетрудно,
а мы — не учили с тобой.

Стихи всё слагали мы. Совестно, право,
и за тебя и меня.

— Значит, нам надо и птицам и травам
новые дать имена!

ЗНАКОМСТВО

Там, где зеленые луга
уходят в синеву,
возьму быка я за рога:
— Как, бык, тебя зовут?

И, не бодаясь, не грубя,
так промычит мне он:
— Меня? Меня зовут Семен.
А как зовут тебя?

— Зовут Владимиром. Я — бард.
И, хоть упрямым, как бык,
друзья божественный мой дар
не признают. Как быть?

Пою — стараются мешать.
Быть может, замолчать?
— Ну, если принялся мычать,
то надо — домычать!

* * *

И снова поутру
писать этюды эти —
Паук, как ЦРУ,
разбросил свои сети.

Рассвет такой весенний,
такие запахи!
Трава растет, как цены
на Западе.

Рассвет и вправду мил,
но вновь в стихотворенья
подбрасывает мир
угрюмые сравненья.

* * *

...А если ты филателист,
то подбери осенний лист.

Он бронзою раскрашен ярко,
он как погашенная марка
страны, где ты резвился встарь.
И ощущаешь вдруг обиду,
что затопил, как Атлантиду,
ее безжалостный сентябрь.

ЭЛЕГИЯ

Жметя светило за тучами,—
неуют.

А под окном задумчиво
коровы цветы жуют.

Нашел бы на них управу,
да только... Морозы ударили,
цветы никому не подарены —
коровы по-своему правы.

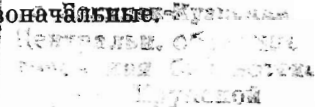
* * *

Опять сегодня просигналили
лесам испуганные птицы
осенние ассигнования
в родную вкладывать землю.

С тетрадкой толстой на коленях я,
вношу в нее стихи печальные.

И, если это — наконченье,

то, видимо, первоначальнее.

* * *

Ива сыплет блестящие листья...
Маскируясь под ивовый лист,
стрекоза в сентябре золотиста
и пескарь в сентябре золотист.

Затаившись, пескарики шутят
и приходят в жуткий восторг,
если вцепится злобная щука
в рассыпающийся листок.

Но к чему маскарад этот нужен,
если зоркая выдра скорей
выбирает себе на ужин
веселящихся пескарей?

Если выдра, укрытая в листьях,
обнаружила б, глянувши ввысь,
что над спинкой ее золотистой
замерла золотистая рысь?..

ОСЕННИЙ РОДНИК

Его друзей веселый лепет
сливался в чистые ручьи.
А он — все лето, он — все лето
гранит в молчании точил.

И вырвался! Листочек клена
смахнул с прозрачного лица.
Зажмурился. И удивленно
глядит на красные леса.

Он поступил, наверно, мудро:
себя он медленно растил,
поэтому сегодня утром
лишь он — не умер, не застыл.

...Приняв хрустальнейшую дозу,
я долго кашлял. А потом
мне два горчичника береза
наклеила поверх пальто.

* * *

Ощущаю, что ко мне порою
ясною осеннею порою
образ приплывает тривиальный,
но зато единственно реальный —
так Природа делает веками:
яростно листья швыряет в лужи.
Недовольная черновиками,
хмуро думает: «А можно — лучше...»

* * *

Не решив вековых вопросов,
сбросив с образов пестрый наряд,
перейду на морозную прозу
я в просторные дни января.

И в лесах, как шпицрутены, голых,
где рябины тревожно торят,
обжигающие глаголы
мне подарит словарь снегиря.

ЧУМЫШ, МОИ ДРУГ

Чумыш, мы утру оба рады!
Ты голос пробуешь в тиши,
как начинающий оратор
во рту катая голыши.

И зашумел по-хулигански!
И заискрился в камышах
карасик — золотистый галстук
на узком горле Чумыша.

Ну что ж, мы славно пели летом!
За это, маленький дикарь,
нам белым пеплом, белым пеплом
посыплет головы декабрь.

Сурово заглянув в лицо нам,
от нашей болтовни устав,
нас разлучит и льдом свинцовым
замкнет, Чумыш, твои уста.

И все ж, ломая свой покров,
вдогонку журавлиным клиньям
вдохнешь — и, словно горлом
струя коричневая хлынет! кровь,

* * *

Телеграмма.
Сердце мое ропщет:
нас прервали на полслове, Роцца!

Солнышко,
беспечно розовой
ты над буколическими весями.
Пусть черемух белые созвездья
плавают в весенней синеве...

Мы еще не раз с тобою встретимся,
я теперь легко тебя найду.
До свиданья, милая наперсница
наших сложно шелестящих душ!

ВДРУГ РАССЛЫШАТЬ...

* * *

И вдруг расслышать в птичьем писке
призыв к тому, что должен ты
немедленно родных и близких
в стихи навечно занести!

И, чтобы вечность одурачить,
я вмиг увековечить рад
пушистую, как одуванчик,
дворняжечку по кличке Франт.

Пусть этот садик будет вечен,
в нем теплый будет дождь идти
и вечно опадать на плечи
черемуховое конфетти...

...А тех, которые увечат
застенчивую красоту,
не обойду: я их навечно
булавкой приколю к листу!

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

...Черемуха, над нами пенясь,
бросает голубую тень
на стол, где мы играем в теннис
с Иван Михалычем. Затем

я на часы свои смотрю:
— Вам все равно не отквитаться.
Пожалуй, хватит, — говорю. —
Вас дома ждут. А мне — на танцы.

— Да, в теннис ты играть мастак —
ты шар закручиваешь хитро.
А я вот — не умею так:
я в юности в другие игры
играл... Да погоди чуть-чуть!
Пока старуха не примчится,
давай еще разок! Хочу
игре я этой научиться!..

ТЕТЯ ТАНЯ

Доктор что-то бодро тянет,
но для нас — уже не тайна:
умирает тетя Таня,
умирает тетя Таня.

Тетя Таня вся седая,
у нее в мозолях руки.
Ей на сердце оседали
войны, смерти и разлуки.

Тете часто было трудно,
не любила тетя трутней.
И мечта была у тети
прокатиться в самолете.

Взгляд у тети тает, тает...
Почему, ответь мне, боже,
звезды — хуже тети Тани,
а они — живут побольше?

Да, конечно, жить в былинке
иль пылинкой в ярком лучике.
Жить в легенде и былине...
Только человеком — лучше!

Что, мешая мне глядеть,
каплет, время отмеряет?
Надобно любить людей,
так как люди — умирают!

...Я стихи писал доныне,
грезил дальними мирами.
Только что теперь до них мне?
Тетя Таня — умирает...

ДЕТИ В ОБЩЕЖИТИИ

О дети общежитий!
Прошу вас, не взыщите
за сей суровый быт.
Он лучше, может быть,
украшенных помпезно
зашторенных квартир.
Быть может, и полезно,
вступая в этот мир,
знать: мир не позолочен,
обставлен мир не очень,
он — ненадежен, тесен,
но — безнадежно-весел!

— ...И все же, друг почтенный,—
не знаю, как Вас звать,—
на общежитских стенах
не надо рисовать!

Но речи мои все:
не слушает — рисует.
И странным украшением,
прохладен и колюч,
у пацана на шее
блестит английский ключ...

ФИЛОСОФ

Л. Камбалову

Когда меня постигнет горе,
ко мне приходит старый друг.
Доставит томик Кьеркегора,
закурит горькую махру.

И, на диване жестком лежа,
с надеждой спрашиваю я:
— Ответь, ведь ты философ, Леша!—
Так в чем разгадка бытия?!

В ответ пускает кольца он.
Молчит. Лишь кашляет, простужен.
...Наверно, как Лаокоон,
я буду кольцами задужен.

ТРЕНЕР АКРОБАТИЧЕСКОГО КРУЖКА

Таким запечатлела память:
легко по залу он ходил,
и, в черное трико затянут,
на Гамлета он походил.

Вот только — бачки, как стручки,
да лысина — пунцовой розой.
Вот только — круглые очки
сияли на лице курносом.

А в остальном он был, как Гамлет!—
Учил беде смотреть в лицо,
учил, чтоб мы не убегали
от негодяев, подлецов.

Неторопливо, деловито
учил нас истине простой:
что если рухнет пирамида,
то — заново ее построй!

ПИСЬМО ИНЖЕНЕРУ СЕРГЕЮ КЛИМОВУ, РАБОТАЮЩЕМУ НА БАМЕ

Сергей, признаюсь я тебе:
писать порою стих
не легче, чем в глухой тайге
дорогу вам вести.

Нова ли мысль моя, стара ль —
потею — будь здоров.
И стих, как будто магистраль,
тяну я с двух сторон.

Звезда мерцает мне сквозь мглу.
Иду. Преграда вдруг.
И я банальности скалу
метафорами рву!

Но, может быть, в конце концов
позорно б я сбежал,
когда заветное слово
в запасе б не держал.

Его — серебряный костыль —
всажу в последний стык.
И весело одобришь ты:
— А что? Нормальный стих!

О ПРИЗВАНИИ

Живем, имея притязание
навек свое найти призвание.
И вспоминаем как-то редко
о наших простодушных предках.

Они гонялись шумной массой
за мамонтом — сквозь чашу, с хрустом!
Но наедались вдоволь мяса,
и становилось предкам грустно.

Дымил костер, тащились дни —
тягучие, безликие.
А люди?..

Были среди них
и физики великие,
и гениальные биологи,
геологи и социологи —
был пестр душевный мир их.
У всех призвание в груди —
единственное. А один
был по призванию сатирик.

...И бродил в тайге он до рассвета,
и бессилием терзался он:
существуй хотя б одна газета,
он такой бы выдал фельетон!
В нем бы про грядущее писалось
и критиковалась бы отсталость.

У сатирика чесались руки
дать своим противникам отпор.
...И однажды, от тоски и скуки,
изобрел он каменный топор!

ХОЛОДА

(Из дневника)

1

— Ты знай — я очень зла.
Но чем меня ты взял:
ты светлый, как вокзал,
и теплый, как вокзал.

Как страшно мне, когда
бредешь вот так — одна.
Какие холода!
Какие холода!..

2

Ты читаешь стихи нараспев,
величавая, как Фелица.
И забравшись на парапет,
песик мокрые нюхает листья.

В полубморке, тиха,
Томь плыла от листохода.
Я внимаю звенящим одам —
ты воспела любовь в стихах.

Только жалко, жалко до слез,
что не будет никем воспето,
как бежал вислоухий пес
по осеннему парапету...

3

Моя поэтесса, проснись! —
Я только сейчас обнаружил,
что двух ясноглазых синиц
загнала к нам в комнату стужа.

Презревши отчаянный риск,
синицы, тихони и буки,
уселись на глянцевый лист,
как будто заглавные буквы.

Мы кормимся тоже крылом,
нам тоже — от стужи скрываться.
Давайте-ка жить вчетвером —
петь песни, весны дожидаться.

4

А за окном третьи сутки метель
плачет и воет,
напоминая собою модель
нашей любви.

От заварухи такой обалдел
я совершенно.

Впрочем, я знаю: любая модель
несовершенна.

Если б вполне выражалась любовь
в этой метели,
то б не осталось в округе столбов,
крыши б слетели!..

5

Я у двери полуоткрытой
остановлюсь оторопело,
когда прекрасною Кипридой
возникнешь ты из белой пены.

И золотые льются косы,
и нежное лицо лучится.
И капли, словно колокольцы,
на розовых звенят ключицах.

— Спасибо, дочь воды и неба,
за исцеленье от печалей!
Но ты нахмуришься и гневно
сверкнешь державными очами:

— Я так, наверно, и увяну,
тоскуя по стихам и Баху!
...И окунешь с размаха в ванну
мою соленую рубаху.

6

...А за стеклами дома
тихо и непрестанно,
словно в колбе огромной,
выпадают кристаллы.

Вот и замерли оба мы,
и терзаемся мы:
чем закончатся опыты
этой долгой зимы?

7

Черт побери, да ты ведь вся в слезах!
И выход мы уже искать устали:
как спутники скитаются в лесах,
так мы с тобой друг в друге заплутали.

Как снег, нас обволакивает сон...
Ну что ж, перенесем и эту зиму!
Мы многое еще перенесем:
нам вместе — плохо. Врозь — невыносимо.

8

Не все потеряно, покуда
черемуховые лепестки
везде раскиданы, как будто
фарфоровые черепки.

И было бы совсем неплохо
от дворников их уберечь, —
чтоб воссоздать по ним эпоху
вчерашних встреч...

* * *

Какая тихая страна!..
От Мурманска и до Урала
как будто музыка играла,
а ночью — лопнула струна.

Сентябрь сегодня закружил
над тихими Семилужками
и аккуратно обложил
меня багровыми флажками.

АВГУСТОВСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

* * *

...А ночью не слышал никто,
как жалобно, хрипло и жутко
визжала избитая шутка,
бродячий рыдал анекдот.

Мне жаль горемык этих грешных.
Придется, наверное, их,
отмывши и отогревши,
пустить квартирантами в стих.

АВГУСТОВСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

В. П.

На тумбах и на оградах...
Можно узнать из них,
что местному драмтеатру
рабочие сцены нужны.

Что Пьеха приехала.

Завтра выступит.

А югославы ждут в сентябре.

Что «ОТКРЫВАЕТСЯ ВЫСТАВКА
КРОЛИКОВ И ЗВЕРЕЙ».

Что джинсы имеются в магазинах:
цвет и размер — любой.

Что в клубе лекция:

«МЕДИЦИНА

И ЛЮБОВЬ».

Что рыбный день в столовой ДК:

«ХАРИУС,

СЕМГА,

ЯЗЬ».

«ПОКУПАЙТЕ ПУТЕВКИ!

ДОМ ОТДЫХА--

ВАША ВТОРАЯ СЕМЬЯ!»

Сдавая бума-
гу в макулатуру,
купишь Дюма —
повысишь культуру.

Облеплена дверь:
«ЖЕЛАЕМ РАЗМЕНА
КВАРТИРЫ — НА ДВЕ
ЛЮБОГО РАЗМЕРА!»

Кто-то наивный хочет
Яю сменить на Сочи.

«ПОТЕРЯЛАСЬ СОБАЧКА.
БЕЛЕНЬКАЯ, ОЧЕНЬ ЛАСКОВАЯ.
НАШЕДШЕГО ПРОСИМ ВЕРНУТЬ
ЗА ПРИЛИЧНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ»

А к милиции подойдешь —
бандюги портрет висит.

И так на меня

бандюга похож —

хоть заводи усы.

И на исходе лета
дворник сметает

в Лету
драмы, комедии, мечты —
августовские листы.

* * *

Я люблю демократию трамваев, —
когда утренние толпы ревут,
рукава мне у пальто отрывая.
Ничего: и у других оторвут.

Если что-нибудь на всех — я счастливый!
Я не смог бы, наверное, без
демократии солнца и ливней,
демократии звездных небес.

**РАЗГОВОРЫ С ИНЖЕНЕРОМ
СЕРГЕЕМ КЛИМОВЫМ
О СУЩНОСТИ ИСКУССТВА**

**1. У картины
знакомого художника**

— Талант. Не буду возражать.
И все-таки, послушай:
явленья мира отражать
умеет даже лужа.

— Уж если взялся отражать,
дружок, сии явленья,
обязан ты опережать
их появленье!

2. По пути в Стол находок

С надеждой вопрошаешь: как же быть?
Пора бы, милый друг, и докумекать:
кого Юпитер хочет погубить,
того сперва лишает документов.

Ты преподнес, положим, миру в дар
божественное стихотворенье.
Но ты не претендуй на гонорар.—
Бухгалтер скажет: «Удостоверенье?»

Ты дверь найдешь заветную. Крепись!
Как семиклассник, что сбежал с уроков,
протиснешься, и будет паспортист
в лицо твое заглядывать сурово.

Но не печалься. Мысль моя проста:
ведь мы с тобой, как паспортисты эти,
выписываем паспорта
всем и всему, что есть на белом свете.

Деревья, птицы, воздух и вода,
все ближние и дальние планеты
без имени б остались навсегда,
когда б не жили на земле поэты!

Была б не жизнь — зеленая тоска,
когда беда случилась бы такая...
Что говоришь?! Бумажник отыскал?!
Я радуюсь тогда и умолкаю.

3. В зимнем лесу

Сколько снега, снега сколько ныне!
«М-да» — замечу. Ты ответишь: «Гм...»

Так под елкой из дюралюминия
мы с тобой душевно говорим.

Как болтливы мы! Сороки словно.
Поучились бы у бога мы:
от него не слышали ни слова —
уважаем многими чюдьми.

Наши речи — они пауз вроде
в молчаливом гимне белых роц.
Впрочем, что-то было в этом роде:
«То, что высказано, — значит ложь».

Значит, верно! Значит, эти гимны
бередили душу и другим.
Но давай чуток поговорим мы!
«М-да...» — замечу. Ты ответишь. «Гм...»

ГАМА-ИЗЛУЧЕНИЕ

Когда же излечение
от гама-излучения?!

...Яичницу откушав,
на службу я спешу,
и в трепетные уши
влетают гам и шум.

Навстречу — две матроны.
Поберегись их ты:
гудят, как циклотроны,
их волевые рты.

Встречает гамом служба...
...Но вот в полубреду

я по холодным лужам
домой к себе бреду.

Отгородясь от гама
экраном белых стен,
усядусь я за драму
в стихах...

А между тем,
пол дрогнул под ногами,
задребезжал буфет —
на пианино гаммы
вдруг заиграл сосед.

...Смертельною угрозой
(на мне уж нет лица)
в нас шум, как будто стронций,
накапливается!

Чтоб не увянуть рано,
мы принимать должны
в осенних рощах ванны
из тишины...

ВОЛКИ

Хотелось кричать, но невольно
страхом сводило щеки.—
Меня настигали волки,
зубами, как счетами, щелкая.

Прикидывал я: остались
до них — ну, метры, решительно.
На плечи мне лидер стаи
запрыгнул легко и решительно.

Рванул когтями умело
мое пальтишко немодное!
...А я разглядывал медленно
его волевою морду.

Зубы — острей пилорамы!
Глаза — два дула наганных!
Щелнул я: «Дружок, не пора ли
понять, что так — негуманно?»

Пощекотал за ухом:
«Дай свою лапу, глухой!»
Вначале глядел он сухо,
внезапно — заплакал глухо.

...Лес расступался рядами,
я шел — усталый, довольный.
А где-то во тьме от рыданий
изнемогали волки.

О ПТИЦАХ

Открытое письмо Сергею Климову

Что мы знаем о птицах?
Очень мало, мой друг!

С. Климов

Твой ответ не годится,
факты можно собрать.
Что мы знаем о птицах? —
Очень много, собрат!

Есть большого калибра:
сокол, беркут, орел.
Меньше ногтя — колибри,
но окраской — король.

Знаем: совам не спится
в шелестящем лесу.
Знаем: куры не птицы,
но украсят лапшу.

Что до падали ворон
падок — только держись.
Но такого же вора
он не клюнет ни в жизнь.

(Про него почему-то
пел поэт Эдгар По.)
Что мы знаем про уток? —
Утка плавает по

озерцу. Насекомых
ест из водной среды,
словно жулик, сухою
выходя из воды.

Лебедь? Тоже известно!
Хоть они не поют, —
лебединая песня
означает какюк.

Знаем: проще и легче
быть всегда в мудрецах,
если нудные речи
начинать от яйца.

Многим важным тупицам
лишь гусей и пасти!
(Впрочем, скромные птицы
Рим однажды спасли.)

Мы про ряд экспедиций
помним. В частности, как
добирался на птицах
до луны Бержерак.

Про обряд ауспий...
(Это раньше, старик,
узнавали по птицам
рока призрачный лик.)

...Смог ли ты убедиться —
бог не даст мне соврать —
что мы знаем о птицах
очень много, собрат?

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Поглощали пиво
в близлежащем баре
и неторопливо
время убивали.

И стонало Время,
корчилось, дрожало!
...Никакая мера
им не угрожала.

2

На подоконнике — антенной
коричневая ветвь. Она
стоит в бутылке толстостенной
из-под дешевого вина.

Ей кажется: прохладным ливнем
упругий ствол ее омыт.
Ей снится май. И запах винный
ее волнует и томит.

«Спи безмятежно, юный друг!»
Но пробежала дрожь по векам
её... И пробудилась вдруг
людьми обманутая ветка.

3

Мне нагадали на руке:
когда я старым буду,
то буду в голубом ларьке
я принимать посуду.

...В моих руках — веселый зуд:
посуду граждане несут.
И на бутылках синих
я, как на клавесине,
играю... На душе светло,
для счастья много ль надо:
бутылки все — из-под ситро,
нарзана, лимонада...

ЗАКОН ТАЙГИ

Быть может, это и жестоко,
но если мы с тобой враги,
то рассудить нас может только
закон тайги, закон тайги.

Начертанный когда-то кровью,
он читается мною до сих пор.
Ружье, заряженное дробью,
положим мы на тот бугор.

И разойдемся. Тот, кто первым
нажмет курок — тот будет жить.
И зашумят в тревоге кедры,
и ворон в небе закружит.

Мы будем бешено сходиться
к вершине черного бугра:
кто выиграл — тому девица,
и рай — тому, кто проиграл.

...Но так как из оружия только
блокнот и так как ты притих, —
то победитель будет — тот, кто
напишет первым лучший стих!

НА БАЗАРЕ

Юные негоцианты
гниацентами торгуют,
тихо, неофициально
предлагая и другое.

Приближаюсь: книги, вроде.
Есть Белинский, Гоголь — славно!
Убеждаюсь: книги в моде
и дороже чернослива.

Говорит купец с досадой:
«Разобрали, как на горе,
Гегеля, Камю и Сартра.
Не возьмете ль Хайдеггера?»

Не читал его ни разу...
Раскошеллся. Толкую:
«Как бы счастлив был Некрасов
видеть зрелище такое!»

БАЛЛАДА О ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

В галактике Бета
блуждает планета.
Ни влаги там нету,
ни воздуха нету.

До этой планеты
парсеков до чёрта!
...Но села ракета
как раз по расчетам.

Реветь перестали
приборы. И трое
в скафандрах из стали
вышло героев.

Глянули в дали
странного мира.
И вдруг увидали...
окурок «Памира»!

А также вот это:
кефирную тару,
обрывок газеты,
обломок гитары.

Сгущались потемки...
Кэп молвил в печали:
— Здесь наши потомки
уже побывали.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Среди зарослей орешника густых,
среди елочек, сосеночек среди
я хожу и сочиняю грустный стих
про охрану окружающей среды.

Мол, редеют бедных елочек ряды,
мол, заводы надвигаются сюда.
Мол, от этой окружающей среды
скоро даже не останется следа.

Мол, забыли, что Природа — это мать!
Что она вам все насущное дает!
Ну неужто лишь поэтам понимать
душу чистую и нежную ее?!

Перечитываю стих — какая муть!
Но рука не поднимается порвать.
Эта тема актуальна. Потому
мне редактор, словно брату, будет рад.

За поэтами попробуй уследи.
И закона не дожидаться, хоть умри,
об охране окружающей среды
от потоков зарифмованной мурлы.

БАЛЛАДА О СУБОРДИНАЦИИ

Она любила одного.
Уехал. Ничего!
Она себе нашла и. о. —
товарища его.

Оно бы все и ничего,
но только тот и. о.
был, очевидно, не того,
решил: она — его.

Вздымал он руки к небесам,
справляя торжество!
Потом... Потом приехал Сам
и выставил его.

Мораль рассказика сего
проста: раз ты и. о.,
не забывай, что ты — и. о.
Вот только и всего.

* * *

Вот уже четвертый год
или пятый, может статься,
посмотрю на ледоход —
никаких ассоциаций.

Раньше было: облака,
лебеди, холсты Пикассо.
Были взмылены бока
у реки, как у Пегаса.

Уносились с шумом вдаль
фантастические рыбы!
...А теперь — обломки льда
чередой неторопливой

подступают под обрыв,
бьются, тают понемногу.
Скоро будет путь открыт
для судов. — И слава богу!..

АНГЕЛ

...И на закате осеннего дня
ангел-спаситель покинул меня.

Был — элегантный, подтянутый ангел.
Я с ним всегда замечательно ладил.

Вот насчет женщин слегка строговат...
Но — он надежно меня страховал.

И — мне любые сходили капризы:
я безмятежно ходил по карнизам.

Злющих овчарок кормил я с руки,
я заплывал на средину реки.

Я в поезда на ходу залетал,
я мимоходом поэмы слагал!

Ангел-спаситель промолвил: «Пока!
Мне надоело тебя опекать.

Хватит! С тобой не пойду никуда.
Иначе хватит сердечный удар».

И растворился в тумане спаситель...
Места с тех пор я себе не найду.
Встретите ангела — расспросите:
может, попал без меня он в беду?

ШУТОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Ну вот — не пишется с утра,
дожди с утра струятся.
Пришла осенняя пора —
пора бы и стреляться.

...Но, очевидно, стоит жить —
раз дождь прошел, раз мимо
теленка весело бежит
расцветкой в карту мира.

* * *

Когда птицегубительной зимою
не разглядеть во мраке встречных лиц, —
вбегу в больницу теплую, завою
и перед практиканткой грохнусь ниц.

Вопросы тихо задает она мне
и думает, наверное: маньяк.
А у меня — совсем простой анамнез:
я одинок. Ты полюби меня.

* * *

...и не надо сочувствовать. Ибо
никогда ни о чем не тужу.
Я шершавого опыта глыбу
на спине в мастерскую тащу.

Давит плечи мне эта громада,
не споткнуться бы вдруг на бегу.
Я спешу, задыхаюсь: мне надо
отрабатывать злостный прогул!

ПОЧТИ ХРИСТИАНСКОЕ

Пусть враг полузабыт,
пусть гнев полуостыл —
за окнами трубит
необходимость мстить.

«Да ты от злобы желт!
Не надо помнить зла!»
Но я не злобы от.
Но я лишь пользы для.

Ведь я и сам не рад
за это браться. Но
уверен я: мой враг
раскаялся давно.

Рыдает враг: «В долгу
пред потерпевшим я.
Жить дальше не могу
без очищения!»

Так пусть же эта месть,
так пусть же этот суд
утратившему честь
спасенье принесут.

ЯНВАРСКИЙ ДОЖДЬ

Еще вчера
в молчании суровом
царил мороз в серебряном дворе.
Ну а сегодня —
сыплет на сугробы
веселый дождик —
дождик в январе.

И детвора любит, как льет он!
И невдомек ей, нашей детворе,
что обернется
страшным гололедом
веселый дождик —
дождик в январе.

В ЗООПАРКЕ

Железный мускул тигра в клетке дрябнет,
дух грациозности верблюжьей мертв,
оленья ветвь недвижна, словно грабли,
лишь попугай — умен, надут и горд.

У обезьянки на щеке слеза:
к мороженому тянется рукою,
за баки себя дергая другою —
как будто маску хочет снять с лица.

ПАМЯТИ В. ГАЛДАЕВА

Был старым газетчиком этот Галдаев,
оперативен был, как никто.

Был компанейским. Всегда мы гадали,
выдаст ли свеженький анекдот?

Худеньким был,

невысокого роста.

Надо признаться,

любил поюродствовать.

Помню, кричал он, махая фуражкой:

«Я — информашка!

Я — информашка!

Ведь не способен я, братцы, на большее...»

...Масса народу в квартирке с утра.
Линотипистки рыдают, наборщицы,
пасмурно морщатся редактора.

Он лежал

удивительно строгий.

И тогда я подумал скорбя:

«Мы —

набора огромного строки.

День прошел —

в переплавку тебя».

Но на то, что нас в мире не станет,
не ропщу я. Немало уже —
отпечаток незримый оставить
в опечаленной чьей-то душе.

* * *

Вот уже дня четыре
кубарем с высоты,
словно фигурки в тире,
сыплются вниз листы.

Грубо траву приминая,
просьбам моим не внимая.
осень—угрюмый стрелок—
целит в последний листок.

* * *

Который год, рысцою мелкой
я этот марафон бегу,
и наблюдают птицы, белки
с дерев широких, как с трибун.

Мне кажется, что хлынул дождик.
Нет, это пот со лба — рекой.
Крепись! Ты уложиться должен
хотя бы в собственный рекорд.

Но, вынырнув из дальних сосен, —
как от нее ни удирай, —
меня врасплох настигнет осень
оранжевая, как трамвай.

Взмахнув ладонями нелепо
и медленно валясь в траву,
я грудью паутинку рву,
как будто финишную ленту.

* * *

Насвистывая про себя,
в редакцию трамваем ранним
лечу, — и утро сентября
дробится миллионом граней.

Еще на улицах темно —
уже вовсю горланят птицы.
Уже и стих забрезжил. Но
в слова он не успел отлиться.

Еще листву не сбросил парк —
уже рябины заалели.
Еще я молод — это факт.
Уже не юн я, к сожаленью.

Сейчас, с себя плащишко сбросив,
Я Томь переплыву, как встарь.
Еще не осень, брат! Не осень.
Хотя уже стоит сентябрь.

СЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО!

* * *

Снова из неизвестности
возвращается новое —
хорошо отдохнувшее,
свежее, загорелое.

А ведь были у нового
увядания признаки
и казалось, что новое
неприменно скончается.

Только знайте, что новое
выживает, как правило.
И, окрепнув, приходит к нам
навсегда!

* * *

Не надо кричать, очевидно,
и гневно глазами сверкать.
Теперь я глотаю обиды,
как шпаги глотает циркач.

Смотрите! Глотаю! Штук двадцать!
Причем этот фокус таков,
что к миру они возвратятся
цветным серпантинном стихов.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Время тянется так длинно...
Засыпай скорей, Алина...
Твой — об этом знаю я —
завтра день рождения.

Слышится негромкий топот —
это зверь тибетский Тепа.
Прыгнул он в постель к тебе,
видит он во сне Тибет.

Холодильник тихо бредит,
видит он во сне медведей.
Видно, жарко старику —
хочет он в Антарктику.

Ночью, пасмурный и хмурый,
вдруг проснется папа-Юра.
Полон внутренних забот,
он уедет на завод.

Спать уже осталось мало...
Рано утром Валя-мама, —
чтобы день отметить тот, —
испечет огромный торт.

День пройдет, и на ночь глядя
постучит знакомый дядя.
Он работает пером,
звать его Владимиром.

Сядет он за стол и мигом
про тебя напишет книгу.
Ну, присочинит слегка...
Засыпай, Алиночка...

МАРТОВСКОЕ

Печалиться зачем же мне,
раз этот миг настал? —
Мой город чисто зазвенел,
как свадебный хрусталь.

Лучом разбуженный родник
звенит. И вслед за ним
в моем кармане гривенник
торжественно звенит!

Ломами дворники звенят
и связками ключей,
звенит в сознание у меня
стих, неизвестно чей.

.
Бывали лучше времена,
но не было звончей!

* * *

Как будто не было утрат,
а если были — очень мало!
И мир мне кажется с утра
обложкой детского журнала.

И по приметам самым разным:
вот, например, звенит трамвай —
я догадаюсь: завтра праздник.
Какой? Конечно, Первомай.

Нас тихим утром на парад
разбудят молодые мамы.
Как будто не было утрат,
а если были — очень мало...

* * *

Благодарствую, весна, за то,
что отныне —
червь нутро не точит.
Я сегодня — телеграфный столб,
ночью выпустивший листочки.

Голова —
совсем без баловства:
сводок
стук сухой
в ней не стихает.

Но шумит, шумит моя листва
самыми безумными стихами!

* * *

Звенит капель, как листопад...
И улыбаюсь виновато
и надеваю старый ватник —
в его кармане дырватом
отсвечивает голубоватым
февральских опусов стопа.

Тропа в поэзию — кривая.
Чтоб одолеть ее быстрее,
карабкался я, с рифм срываясь,
...и спал на стульях, согреваясь
о ребра тощих батарей.

И гул полуночных ротаций
мне говорил: в конце концов
стихи из папки разлетятся,
как стая вспугнутых скворцов.

ВЕСЕННИЙ СУББОТНИК

Деревья в белых юбочках
застыли в ряд.
На подметенных улочках
костры горят.

Дымок такими кольцами
украсил небеса,
что вирши свои хочется
в огонь бросать!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИНЖЕНЕРА СЕРГЕЯ КЛИМОВА В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Шампанское разлито аккуратно,
и Новый год сейчас пробьют куранты.
Так отчего ж нахлынула хандра?
Ведь не могла быть этому причиной
командировка — та, что заключила
в нетопленный гостиничный квадрат.

Здесь обстановка, правда, не гостинец,
но за плечами — тысячи гостиниц
от Краматорска и до Бодайбо.
И расстоянья в сердце было радо,
и вовремя в монтажные бригады
являлся бодрый инженерный бог.

А здесь еще, к тому же, есть две книги:
одна — о зарождении религий.
Вот, например, о том, как фараон
и почитался и обожествлялся,
но если сил супружеских лишался,
то всенародно умерщвлялся он.

Ну что ж... бывает... Что же здесь такого?
Вторая книга говорит толково
про экскаватор ЭВГ 3-7.

За стеклами мелькают чьи-то лица,
шампанское в стакане пузырится,
и вот тебе сегодня тридцать семь.

Куранты бьют. Уже двенадцать ровно.
Взять пригласить бы в гости фараона,
сказать ему: «Старик, послушай, ведь
и ты не властен над своею судьбою,
они играют, как рабом, тобою.
Давай-ка лучше бросим наших ведьм!

Ты, многоженец и эксплуататор,
садись быстрее к нам на экскаватор,
тебе поможем сдать мы на права.
Никто не спросит — ты откуда родом.
Так поднимай бокал же! С Новым годом!
Нам все невзгоды — это трын-трава!»

* * *

Ну да, я только рупор.
Опять огромный мир
простуженно и грубо
ревет, как командир
трехмачтового брига.
Каков наш курс? Ост-вест!
Иерихонским криком
провозглашаю весть,
что землю, землю вижу!

На берег люди вышли,
костер зажгли в лесу.
...И снова я, недвижимый,
в коробочке лежу.

ФИЛОСОФСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Опять соседа моего раздумья точат.
Он вопрошает в изумленье злом:
«Посмотришь сбоку — вышка. Сверху — точка.
Так под каким же мне смотреть углом?!»

Ты хочешь разрешить сомненья эти?
Тогда тебе советую, сосед:
чтоб получить понятие о предмете,
со всех сторон ты осмотри предмет.

* * *

В. Зубареву

Матерьялы на машинку бросим
и огни в гостинице зажжем,
не заметив, что сегодня осень
миллионным вышла тиражом.

БАРЗАС

Сентиментальное путешествие

...— Дойти намерен я!
Хоть ночь в лесу,
в себе уверен я,
что твой Дерсу.

Куда шагаем —
моя забота.
Что это, Галя?
Вот черт — болото!

На небе ярко
горит звезда.
Былазим, Галка!
Идем!.. Туда!

Оградка. Гладкая.
Рукой поглаживаю.
Что это, Галка?
Да это ж кладбище!

Верст десять с гаком
еще. Крепись.
Что это, Галка?
Тьфу, это ж рысь!

Брысь, не дозволено
шипеть так, киска!
Что, далеко ли нам?
Наверно, близко.

Пусть не по плану мы,
не той тропой,
но, Гал, ведь главное,
что мы — с тобой!..

* * *

Печального не было в том,
что сыпались желтые стрелы
на лужи, покрытые льдом,
на почту, на дом престарелых.

Ведь листья друг друга касались
со звоном веселым таким,
что ряжеными казались
старухи и старики.

Казалось, что можно поладить
со смертью, вовек не стареть.
И надо лишь лица погладить,
чтоб грим надоевший стереть.

* * *

На скошенных травах,
в роще осенней,
роскошное справим
мы новоселье.

Чтоб скрыться от стужи,
необходима
в замке воздушном
колонна из дыма.
Пара картошек,
курево тоже,
гвалт воробьиный,
ветка рябины
необходима
в ладонях любимой.

* * *

Был у меня безмятежный союз
с Шуточкой легонькой.
Только я ей изменял, сознаюсь,
с голою Логикой.

Явно не женственности эталон —
слишком уж тощая.
Но говорила: «Ты очень умен,
у нас много общего.

Ты ведь поэт! — продолжала учить.—
Брось свою дурочку!»
И, одинокая в темной ночи,
плакала Шуточка.

Логика ж, узенький лобик склоня,
щурилась злобненько.
И... задушила в объятьях меня
хмурая Логика!

Не сожалела об этом она
даже ни чуточку.
...Правда, потом воскресила меня
милая Шуточка.

ВОСПОМИНАНИЕ

Сыплет за пудом пуд
золото листопад.
По городку скользит
старенький велосипед.

Мчит на седьмой горизонт
юный корреспондент.

В городе — сто бригад.
Нынче одна опять
бьет мировой рекорд.
Надо ее воспеть!

Еду. Просторен путь.
Горя на свете нет!
Праздничный листопад,
словно капель, звенит...

* * *

Зашумела по-иному
жизнь — и слава богу.
Согреваюсь понемногу,
словно темный омут.

Солнечная позолотца
сверху. А у сердца
родничок прохладный бьется —
сердцу не согреться.

...Но зимой, когда река
в камень превратится,
пульс холодный родника
так же будет биться.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Илья Фоняков. Письмо читателю этой книги</i> . . .	3
---	---

ГАУДЕАМУС ИГИТУР!

«Развернула поутру...»	5
«Подруга, посмотри скорей...»	5
Весеннее предложение	6
Подслушанный разговор	6
Конец «третьего семестра»	7
К вопросу о собачьем зрении	8
О дамасской стали	9
Два стихотворения, посвященные студенту Томского политехнического института Сергею Климову	9
«Отчаявшаяся уже...»	11
«Намеренья благие, деловые...»	11
«Мы с тобой друг друга полюбили...»	12
«Поцелуй и цветы...»	12
«Вьюга в пустынном парке...»	13
Самолетное	13

РОЩА

Роща	14
Диалоги с самим собой	15
Знакомство	15
«И снова поутру...»	16
«А если ты филателист...»	17
Элегия	17
«Опять сегодня просигналили...»	17
«Ива сыплет блестящие листья...»	18
Осенний родник	18

«Ощущаю, что ко мне порою...»	19
«Не решив вековых вопросов...»	19
Чумыш, мой друг...»	20
«Телеграмма...»	20

И ВДРУГ РАССЛЫШАТЬ...

«И вдруг расслышать...»	22
Иван Михайлович	22
Тетя Таня	23
Дети в общежитии	24
Философ	25
Тренер акробатического кружка	25
Письмо инженеру Сергею Климову, работающему на БАМе	26
О призвании	27
Холода (из дневника)	28
«Какая тихая страна!...»	32

АВГУСТОВСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

«А ночью не слышал никто...»	33
Августовские объявления	33
«Я люблю демократию трамваев...»	35
Разговоры с инженером С. Климовым о сущности искусства	35
Гама-излучение	37
Волки	38
О птицах	39
Три стихотворения	41
Закон тайги	42
На базаре	43
Баллада о теории относительности	44
Актуальная тема	45
Баллада о субординации	45
«Вот уже четвертый год...»	46
Ангел	47
Шуточная элегия	48
«Когда птицегубительной зимою...»	48
«И не надо сочувствовать...»	48
Почти христианское	49
Январский дождь	49
В зоопарке	50
Памяти В. Галдаева	50
«Вот уже дня четыре...»	51

«Который год рысцою мелкой...»	51
«Насвистывая про себя...»	52

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО!

«Снова из неизвестности...»	53
«Не надо кричать, очевидно...»	53
Колыбельная	54
Мартовское	55
«Как будто не было утрат...»	55
«Благодарствую, весна, за то...»	56
«Звенит капель, как листопад...»	56
«Весенний субботник	57
Размышления инженера Сергея Климова в ночь под Новый год	57
Ну да, я только рупор...»	58
Философское стихотворение	59
«Матерьялы на машинку бросим...»	59
Барзас	59
«Печального не было в том...»	60
«На скошенных травах...»	61
«Был у меня безмятежный союз...»	61
Воспоминание	62
«Зашумела по-иному...»	63

Ширяев В. М.

Ш-87 Августовские объявления: Стихи/Предисл. И. Фонякова. — Кемеровское кн. изд.-во, 1986. — 68 с.

25 к. 5 000 экз.

Автор этого сборника родился в 1949 году на Алтае, окончил Томский университет, около пятнадцати лет проработал в городских и областных газетах Сибири. Член Союза журналистов СССР. Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Чаян», «Крокодил», «Сибирские огни». Живет в Кемерове. «Августовские объявления» — его первый поэтический сборник.

Ш 4702010200—24 66
М145(03)—86

ББК 84.3Р7

**Владимир Михайлович
Ширяев**

Августовские объявления

Стихи

Редактор **И. О. Фояков**
Ведущий редактор **Т. И. Махалова**
Художник **Ник. Сидоркин**
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Маюхина
Корректор **В. А. Лузина**

ИБ № 944

Сдано в набор 22.11.85. Подписано к печати 27.02.86. ОП 04280. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,49. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 2,53. Тираж 5 000 экз. Заказ 24137. Цена 25 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

25 к.

Кемерово ✦ 1986